

Открытое письмо духовенству Тобольской епархіи.

(О кассѣ на случай пожара).

Одна изъ нашихъ пословицъ увѣряетъ: Громъ не грянетъ — мужикъ ни перекрестится. Вѣковой непосредственной наблюдательностью выработана эта пословица и, кажется, должна бы быть вѣрна, какъ аксіома, но вѣтъ, неточность и тутъ вкралась... Зачѣмъ же непременно мужикъ? Развѣ мы сами — профильтрованная російская интеллигенція „крестимся“ когда нибудь до грома?....

Вспомните: не было холеры, или вѣриѣ, она была, но гдѣ то тамъ, далеко на Волгѣ, въ Астрахани и Самарѣ и наши „Сѣверныя Пальмиры“ была спокойна, даже, самое слово канализація бродило, развѣ только, въ безпокойной головѣ газетнаго писаки. Грянулъ громъ и это слово стало моднымъ. Такихъ можно найти много. Возьму для примѣра себя. Вчера и третьяго дня мнѣ и въ голову не приходило, что я буду писать Вамъ, Отцы и Братіе, это открытое письмо, звать Васъ къ ниже-изложенному дѣлу.

Вчера, послѣ трехдневнаго крестнаго хода въ одной изъ деревень моего прихода, я вернулся домой съ одной только мыслью: „спать, какъ можно скорѣе спать“.....

За семейный ужинъ я сѣлъ только въ силу традиціи и добравшись до койки моментально уснулъ, исчезъ изъ собственнаго сознанія.....

Навѣрное я проспалъ бы, какъ убитый, до поздняго утра, если бы не былъ разбуженъ энергичной тряской за плечо.

Проснись, проснись же ты, Христа ради, ребятъ спасать надо!... Говорила, прерывающимся отъ испуга голосомъ, будившая меня жена.

На улицѣ кто-то завывая кричалъ: „Пожаръ! Го-римъ!!!“ Съ колокольни оторвался и полетѣлъ въ ночную мглу первый „бомъ“, а за нимъ частые, тревожные, стонущіе „бомъ, бомъ, бомъ!!!.

Все это вернуло мнѣ сознаніе. Я выбѣжалъ на дворъ. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Клубы дыма и пламени неслись черезъ церковный куполъ, озаренный какимъ то прыгающимъ, неровнымъ свѣтомъ.

Обладай я фантазіей и способностями современнаго декадента — мнѣ представились бы какія нибудь адскія фуріи съ воющимъ смѣхомъ,

въ безумной пляскѣ пожирающія десятками лѣтъ упорнаго труда нажитое имущество и благосостояніе... А надъ всѣмъ этимъ „Нѣкто въ красномъ“ безстрастно дирижирующій этимъ беспорядочнымъ воємъ—смѣхомъ, и этой безумной пляской разрушенія...

Но я не декадентъ и потому ничего этого не видѣлъ, но все-таки въ этомъ трескѣ, шелканіи пламени, въ этомъ воющемъ вѣтрѣ, въ этомъ скачущемъ отблескѣ огня, отъ котораго окружающая ночь казалась еще темнѣе, еще непрогляднѣе, — было что-то адское, злое, разрушительное... А въ растерянномъ крикѣ мужчинъ, въ истеричныхъ вопляхъ женщинъ, въ отчаянномъ ревѣ горящаго, или мечущагося по селу скота—было что-то жалкое, беспомощное...

Я кинулся обратно въ домъ съ мыслью спасти ребятъ и бѣжать. Когда мы съ женой притащили плачущихъ дѣтишекъ въ безопасное отъ огня мѣсто, я увидѣлъ, что они въ одномъ бѣльѣ, подъ пронизывающимъ весеннимъ вѣтромъ... Побѣжалъ за шубами, вспомнилъ о скотѣ. Принесъ шубы, выгналъ изъ строеній скотъ и вернулся къ семьѣ. Ребята одѣты, младшая безмятежно спитъ, старшій бьется въ истеричномъ припадкѣ.

Мимо насъ, пригнувшись къ шеямъ лошадей, быстро скачутъ какіе-то люди. Это молодежь сосѣднихъ деревень спѣшитъ на помощь.

Первый острый испугъ прошолъ, крики стихли, человекъ пошолъ на борьбу со стихіей. У него оказались союзники: прошедшій вчера и еще не просохшій дождь, и вѣтеръ, клонившій пламя изъ села. Молча, угрюмо работали мужики, только изрѣдка раздавалось „воды!“, или дружное „ухнемъ!“, а за нимъ трескъ переломленной балки, уроненной крыши, разваленнаго забора.

Огонь былъ локализованъ, бѣда прошла. Она ограничилась двумя домами, со всѣмъ содержимымъ, кромѣ людей, тремя притонами, въ которыхъ погибло около тридцати головъ скота и много птицы.

Испугъ утихъ, раны полученные на пожарѣ, мы не считаемъ—это заживаетъ...

Бѣда прошла, моя семья вернулась въ домъ и успокоилась. Пережитое же волненіе заставило меня задумываться о томъ, что весь этотъ, не безъ долгаго труда, пріобрѣтенный достатокъ (относительный конечно), которымъ сейчасъ пользуется моя семья чуть-чуть не исчезъ безслѣдно. Малѣйшій капризъ вѣтра, не будь вчерашняго дожда

и мы остались бы, буквально, въ однихъ рубашкахъ.... А дальше опять голая бѣдность, опять острая нужда.... Нужда въ теплой шубѣ, въ чистомъ бѣльѣ, и крѣпкомъ пальто.... Опять этотъ проклятый страхъ предъ грозящей развалиться галошей, горе надъ лопнувшимъ сапогомъ.... Я еще далеко забылъ то время, когда благодаря отсутствію сколько нибудь сноснаго помѣщенія у меня одинъ за другимъ мерли дѣтки. Я еще живо помню тотъ періодъ, когда мнѣ приходилось щеголять въ „подбитомъ терпѣніемъ“ пальто и посинѣвшими губами отшучиваться отъ надоѣдливо—сочувственныхъ вопросовъ тѣмъ, что мы съ морозомъ земляки и потому онъ меня милуетъ.

А подумайте, господа! Вѣдь въ точно такое же положеніе, въ какое я чуть не попалъ, можетъ каждую минуту попасть и каждый изъ васъ, особенно лѣтомъ.

Бѣда, конечно, поправимая, не обгорѣли бы только руки и голова, пережить ее можно, но всетаки интереснаго въ ней мало. Не худо бы было, если бы Господь сохранилъ отъ нея и „злого татарина“.

Вотъ тутъ мнѣ и пришло въ голову, что нельзя ли, если не уничтожить эту бѣду, но хотя парализировать ея тяжкія послѣдствія. Думается, что очень можно. У насъ сейчасъ есть „сиротская касса“, дающая пособія нашимъ семьямъ въ тотъ часъ, какъ имъ приходится потерять кормильца. Почему бы намъ не попытаться устроить еще „кассу на случай пожара“?....

Почему бы не послать въ эту кассу, для пострадавшаго священника—священникамъ по рублю, діаконамъ по полтиннику, псаломщикамъ по четвертаку. Для пострадавшаго діакона—священникамъ и діаконамъ по полтиннику, псаломщикамъ по четвертаку. Для пострадавшаго псаломщика—всѣмъ священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ по четвертаку?..

Когда на послѣднемъ епархіальномъ съѣздѣ разрабатывался вопросъ о размѣрахъ выдаваемого пособія сиротамъ священниковъ, діаконѣ и псаломщиковъ, то я, въ числѣ большинства, стоялъ за одинаковое пособие, какъ тѣмъ, такъ другимъ и третьимъ. Тамъ для насъ главнымъ основаніемъ было то, что въ данномъ случаѣ каждая духовная семья теряетъ одно и тоже—кормильца—отца. Да и семьи псаломщиковъ и діаконѣ, почти всегда, остаются въ болѣе плачевномъ положеніи, чѣмъ семьи священниковъ.

Здѣсь же священникъ, развѣ за единичными исключеніями, теряетъ несравненно больше псаломщика и потеря его труднѣе возстановима, чѣмъ утрата псаломщика. Священникъ волей, или неволей долженъ имѣть гораздо больше псаломщика, его домъ долженъ быть обставленъ прилично. Тамъ, гдѣ у псаломщика „и такъ сойдетъ“, у священника должно быть прилично, порядочно, чтобы не вызвать улыбки осужденія, т. к. священникъ обязанъ нѣкоторымъ представительствомъ.

Впрочемъ это мое личное мнѣніе (о размѣрѣ пособія); выскажите ктонибудь болѣе дѣльное сужденіе и я первый скажу вамъ спасибо.

На мой личный взглядъ такое пособіе должно выдаваться изъ проектируемой кассы круглыми сотнями рублей, напр. 500, 400, 300 и т. д. Поступать же оно будетъ, навѣрное, не круглыми сотнями. Съ излишками поступать бы такъ: $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ выдѣлять на расходы (книги, бумага, трудъ, а $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ передавать въ кассу взаимной помощи на образованіе эмеритуры.

Страдаютъ отъ пожаровъ не такъ много — семь три, четыре, много пять въ годъ. Теперь предположимъ, что въ данный годъ погорѣло два священника, одинъ діаконъ и два псаломщика. Слѣдовательно мнѣ пришлось бы послать имъ 3 руб. Діакону 2 руб., псаломщики 1 р. 25 к. Развѣ это раззорило бы каждаго изъ насъ, или было бы для насъ тяжкимъ лишеніемъ, а для пострадавшихъ это было бы въ полномъ смыслѣ слова „дорогимъ яичкомъ ко Христову дню“.

Я вполне сознаю, что уставъ проектируемой мною кассы набросанъ мною слишкомъ, а еще и, быть можетъ не выдержитъ критики, но я и набросилъ его только между прочимъ и надъ нимъ не задумался. Мнѣ дорога только главная идея устройства „кассы на случай пожара“.

Я убѣжденъ, что существованіе такой кассы утретъ не одну слезу, избавитъ не одного изъ насъ отъ излишнихъ страданій.

Отзовитесь же, Отцы и Братіе, ради общей пользы, на мой призывъ, а уставъ, при общемъ разсужденіи, выработать не такъ трудно. Тѣмъ болѣе, что большую половину пунктовъ этого устава можно списать съ устава „сиротской кассы“.

Другъ за друга, а Бъгъ за всѣхъ!

Священникъ *Павелъ Александровъ*.

(С. Рынки, станц. „Пѣтухово“ Сиб. ж. д.).
